

КАЗИС ЛАБАНАУСКАС (Дудинка)

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН НЕНЕЦКОГО И ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Прошедшие времена самодийских языков, в частности, ненецкого и энецкого, не раз подвергались подробному рассмотрению (Künnap 1977 : 127—132; Кюннап 1976 : 176—178; Сорокина 1977 : 203; Сорокина 1975 : 14—15; Лабанаускас 1974в : 116—117; Sebestyén 1970 : 194—200 и др.). Значительным достижением является то, что удалось доказать существование в системе прошедших времен ненецкого и энецкого языков особой временной формы — перфекта (Серебренников 1964 : 113; Лабанаускас 1974б : 45—51; Сорокина 1980 : 212—215).

В дальнейшем изучении упомянутых языков вполне логична постановка вопроса о выделении плюсквамперфекта (давнопрошедшего времени). Ведь «если в языке есть перфект, то его, почти как правило, сопровождает плюсквамперфект» (Серебренников 1974 : 301; 1978 : 18).

1. Плюсквамперфект в ненецком языке.

Здесь имеются претеритальные формы со сложным суффиксом *-βi/-βe/-mi/-me + ... + -ś*: тайм. *ηatenaveđamtš* 'я ждал когда-то', *βatormiñatš* 'мы обещали когда-то', *miββidaš* 'он отдавал когда-то', *nuširmištš* 'они охотились на песцов когда-то'; ям. *юрвздамзь* 'я забыл, оказывается'; м.-з. *хонёвьысь* (ЭПН 322) 'он спал' и др. Формы эти уже привлекали внимание исследователей. В предисловии к самодийским словарям М. А. Кастрена А. Шифнер пишет, что от причастия на *-wy* образуются претеритальные формы, и приводит, кроме прочих, *teamdawaedamad* 'ich hatte gekauft', 'war gekauft worden' (Castrén 1855 : XXIV).

Н. М. Терещенко указывает, что форма на *-вы/-мы* в сочетании с суффиксом прошедшего времени служит для подчеркивания относительной давности совершенного действия (Терещенко 1965 : 905).

Б. А. Серебренников, освещая плюсквамперфект уральских языков, отмечает: «в ненецком языке к причастным формам на *-mŷ*, *-wŷ* иногда может присоединяться показатель прошедшего времени *-ś*, напр., *warkm hadawŷś* 'убили медведя', однако значение этих форм не исследовано» (Серебренников 1964 : 114). В другой работе он сравнивает ненецкие формы этого типа с аналогичными тюркскими формами (Serebrennikov 1963 : 270).

Ненецкие формы с *-βi/-βe* и *-ś* затрагиваются и в работе И. Н.-Шебештьен о юрако-самодийском спряжении. Они истолкованы как «Verbalnomen» с пассивным значением. Так, в примере *nin daññeββeštš* 'ich hatte Brüder' претеритальная форма якобы содержит формант конди-

ционалиса *-tš*, и ее следует понимать как 'ich hätte Brüder [sie sind aber entfernt von hier]' (Sebestyén 1970 : 198). Несостоятельность такого толкования уже подвергалась критике (Кюннап 1976 : 176; Лабанаускас 1976 : 211).

Таким образом, финитные формы с суффиксом *-βij/-mi + ... + -š* понимались по-разному, и плюсквамперфект как особое время в системе прошедших времен ненецкого глагола выделен не был. Надо полагать, этому препятствовал ряд трудностей.

Одна из них состоит в том, что в некоторых случаях существует омонимия финитных форм на *-βij/-mi + ... + -š* и претеритальных форм причастия совершенного действия. В самом деле, если взять изолированно, вне предложения, например, форму *βatormiš*, то трудно определить ее значение: то ли 'он пообещал когда-то', то ли 'он был обещан'. Эту форму можно понимать и как 3 л. ед. ч. субъектного типа спряжения давнопрошедшего времени изъявительного наклонения, и как 3 л. ед. ч. прошедшего времени от причастия совершенного действия *βatormi* 'обещанный'.

Приведем несколько примеров, где формы с суффиксом *-βij/-mi + ... + -š* внешне похожи на плюсквамперфект, но на деле являются причастиями: ям. *Неновавна нара ёльцянггана хад нум саць нгокась, ты ниселава' я' сыра паромдэйнгэ тондавыць, нгари' тандая соявы' сую' паромдэй нгылна хаёсяты'* (ННг 19 VI 1970) 'Особенно весной часто бывала пурга, места отела оленей были покрыты снежными сугробами, под которыми оставались только что родившиеся телята'; Тамна тикы хавна *Надым-Пунга мурти' еэмня мертвявна библиотека сертавысь* (ННг 14 I 1972) 'Кроме этого, для строителей Надым-Пунга скоро была создана библиотека'; *Тикы броневик прожектор' тухуна ялэмдавысь* (Сусой, Терещенко 1974 : 305) 'Этот броневик был освещен светом прожектора'; фольк. *Не нюв ватормысь Еся Ни Логэян'* (ЭПН 322) 'Моя дочь была обещана Еся Ни Логэй' (ЭПН 338).

В приведенных примерах налицо претеритальные формы причастий совершенного действия: *тондавыць* 'были покрыты', *сертавысь* 'была создана', *ялэмдавысь* 'был освещен', *ватормысь* 'была обещана'. Существование таких форм — вполне закономерное явление, поскольку в ненецком языке именные части речи, в том числе и причастия, могут изменяться по двум временам индикатива — неопределенному и прошедшему (подробнее см. Hajdú 1975 : 13—15; Терещенко 1972 : 115). Эти причастные формы, будучи образованными только от переходных глаголов, по своей грамматической функции представляют собой не что иное, как пассив. Как можно видеть в каждом из приведенных примеров, субъект и объект действия находятся в обратном отношении по сравнению с тем, в котором они оказываются в активе (о пассивном значении форм на *-βij/-mi* см. Терещенко 1952 : 378—379; 1960 : 188—191). Важно подчеркнуть, что пассивные формы *тондавыць, сертавысь* и др. могут быть правильно поняты только в контексте.

Активные же формы с суффиксом *-βij/-mi + ... + -š*, образованные как от переходных, так и от непереходных глаголов, хотя и содержат *-βij/-mi*, внешне похожий на формант причастия совершенного действия, но причастиями не являются. Определенным образом переосмысленные, они приобрели признаки финитной формы. В них можно встретить личные окончания объектного и субъектно-безобъектного типов спряжения: тайм. *hajoβedaš* 'он оставил когда-то' (от *hajo-* 'оставить'), *jurβinatš* 'мы забыли, как оказалось' (от *jurä-* 'забыть'), *nulmišš* 'они

остановились раньше' (от *nul*³ - 'остановиться'); м.-з. *tanaβedonš* 'они пригнали, как оказалось' (от *tana* - 'пригнать').

Финитные формы с суффиксом *-βi/-mi* + ... + *-š* возникли на базе перфекта с *-βi/-mi*. Такой путь их развития вполне вероятен, так как и в других языках есть претериты, образованные из того же материала, что и перфект (Серебренников 1974 : 301; Серебренников, Гаджиева 1979 : 192, 196). В ненецком языке указанные финитные формы, возникнув на основе перфекта, стали особым временем — плюсквамперфектом, приспособленным для передачи действия, совершившегося когда-то давно, действия, о котором говорящий судит по воспоминаниям или другим косвенным данным. Поскольку плюсквамперфект содержит в качестве показателя наклонения ту же нулевую морфему, что и другие времена индикатива, правомерно рассматривать его в системе прошедших времён изъявительного наклонения.

Показателем плюсквамперфекта служит циркумфикс *-βi/-βe/-mi/-me* + ... + *-š/-š/-š*. Первая часть его *-βi* или *-mi* присоединяется к основе глагола в зависимости от звукового строения последней. Если основа I класса, присоединяется *-βi*: тайм. *hamedambaβiš* 'он понимал когда-то', *hetβējudaš* 'он сказал когда-то'. К основам II класса присоединяется *-mi*: тайм. *mimiš* 'он шел когда-то', *manemedaš* 'он увидел когда-то'; ханормысь 'она просила, оказывается' (НРС 741). Вторая же часть циркумфикса — *-š* присоединяется к личным окончаниям соответствующего типа спряжения и находится в конце формы: тайм. *tēnbrara-βi-nat-š* 'мы ошиблись, как оказалось', м.-з. *šerta-βe-da-š* 'он сделал когда-то'.

Отрицательные формы плюсквамперфекта образуются при помощи вспомогательного глагола *ni* - 'не быть'. Обе части показателя *-βi* (*-mi* не употребляется) и *-š* располагаются в связке, но необязательно следуют одна за другой, так как между ними могут вклиниваться личные окончания. Глагол, действие которого отрицается, остается в форме, совпадающей с его же формой 2 л. ед. ч. субъектного типа спряжения императива; например, *niβiš hamedamb'u* 'он не понимал когда-то', *niβējudaš het* 'он не сказал когда-то', *niβiš mi* 'он не шел когда-то', *niβedaš manes* 'он не увидел когда-то'.

Положительное и отрицательное спряжение в плюсквамперфекте может быть показано на примерах следующих глаголов:

1) тайм. *pinā* - 'бояться' (субъектный тип спряжения): ед. ч. 1 л. *pinβedamtš*, 2 л. *pinβenaš*, 3 л. *pinβiš* 'он боялся когда-то' и т. д.; ед. ч. 1 л. *niβedamtš pin*³, 2 л. *niβenaš pin*³, 3 л. *niβiš pin*³ 'он не боялся когда-то' и т. д.;

2) тайм. *šarā* - 'завязать' (объектный тип спряжения): ед. ч. 1 л. *šarβeβaš*, 2 л. *šarβeraš*, 3 л. *šarβedaš* 'он завязал, как оказалось' и т. д.; ед. ч. 1 л. *niβeβaš šar*³, 2 л. *niβeraš šar*³, 3 л. *niβedaš šar*³ 'он не завязал, как оказалось' и т. д.

3) тайм. *tarpā* 'выйти' (субъектно-безобъектный тип спряжения): ед. ч. 1 л. *tarpβeβatš*, 2 л. *tarpβenaš*, 3 л. *tarpβištš* 'он вышел раньше' и т. д.; ед. ч. 1 л. *niβeβatš tarp*³, 2 л. *niβenaš tarp*³, 3 л. *niβištš tarp*³ 'он не вышел раньше' и т. д.

Основные случаи употребления плюсквамперфекта.

1. Употребляется для обозначения действия, совершившегося или сошедшего когда-то давно, действия (или состояния, явления, про-

цесса), которое началось до наступления другого действия в прошлом: фольк. *Яля' тюку яля' ня яңгокуни манэсарңаманзь, нули' ңамгэхэрт нивы ерев'. ңопой нохокохова иб' еремысь, тикыхэртами ңаблараравы'* (НФ 222) 'Осмотрел я сегодня мои слопцы, да совсем ничего не попало. Один-то песец хоть и попался, да и тот изгрызен' (НФ 231); *ңари' ңавнанда няхар' няканд хэдо хабцяңгана хава' мальңгана нюдяко папар хаёвысянэ'*. *Тикы хаёвы папамд таняңы яхад мань хана' нисяву'* (НФ 227—228) 'Давно, когда от болезни умерли твои старшие братья, остался твой младший братец. Этого оставшегося братца твоего я с того места увез' (НФ 236); *Тикэванади вэско ма: — Хибярим' ховэннэ'. Не ма: — Пя'нан хонёвысь. Хутарман сер' харта юркыць. Немада хаясь, содав* (ЭПН 322) 'Тогда старик сказал: — Ты, оказывается, привезла человека. Женщина сказала: — Он спал около моих дров. Когда я стучала бревнами, он сам встал. Он проснулся, я взяла его с собой' (ЭПН 338); *tękkofšā"jānny" ā"ny žāššifš, ā"mny jādęnāitmanžę_p"ėdajjib"ž* 'unsere Renttiere waren weit weggewandert, ich ging weit, wurde müde' (Lehtisalo 1956 : 351b); лит. ям. *Тей яля' пэвсюмняна Сэрнен' тюнгадамзь, пыда мякананда яңгувысь* (Истомин 1962 : 25) 'Вчера вечером я заходил к Сэрне, но ее не было дома'; *сэвни сылабтаб"ни нумда мале ялэмысь* 'когда я открыл глаза, уже рассвело' (НПС 573).

2. Плюсquamперфект может обозначать действие, которое имело место когда-то давно, но результат которого находится в логической связи с содержанием сообщаемого в момент речи: фольк. *Мань Ябта саля' ерв' нюм', сяхава' пыр нисяв хадвэнась. Теда' ань' мань сит хадангум'* (НФ 139) 'Я сын хозяина Ябта Саля, которого вы когда-то убили. Теперь я тебя убью' (НФ 146); *Эсына' вэкна нябар не'е, не Харюци таненю'. Сит сямысиню', сит эдаван' харвабта нибцува' ха'. Невхэ' на сит хабцегадат эдавысиню'* (ЭПН 478) 'На краю нашего стойбища есть твоя невестка, есть женщина Харюци. Она ведь тебя раньше жалела, если она захочет тебя отстоять, то мы не умрем. Когда-то давно она ведь тебя спасла от смерти' (ЭПН 503); *žadōššv" māltā.šše. darā², māpnā.šše. darā², tūnny" māllōšifš* 'man muss um die Winterweide herumgehen, muss nachsehen, denn die Renttiere hatten sich an einer Stelle zusammengescharrt' (Lehtisalo 1956 : 162a); лит. *ңавна выңгана мэванда мальңгана ханедаха"* енерманда сер' *вэвако невхы туникода тэйдовысь, теда' ңудида ңояк я" амна танзэсавэй"* (Сусой, Терещенко 1974 : 263) 'Раньше, когда он был в тундре, его плохонькое старое ружьецо развалилось на части во время стрельбы по добыче, и теперь его руки покрыты редкими синяками'.

3. Плюсquamперфект иногда выступает в роли абсентива (наклонения неочевидного действия) и обозначает действие, известное говорящему со слов других людей: фольк. *Тикы мань нисявась. Муно' погна нисяв намдвы, мамыць: «Носитэтана ацькы тане»* (ЭПН 547) 'Это был мой отец. От людей он слышал, говорили: «У Носитэта живет подросток»' (ЭПН 558); лит. *Ленин Ямалан' турма' мальнганна мань нюядм нгэвэдамзь* (Истомин 1960 : 123) 'Говорят, что, когда Ленин приезжал на Ямал, я был маленьким'; *Максим Иванович' вадана Саване маня' хардахана' илелман' харвавысянэ'* (Истомин 1962 : 64) 'По словам Максима Ивановича, Саване хотела, оказывается, поселиться в наш дом'.

4. Плюсquamперфект употребляется в рассказах о давних событиях, иногда исторически достоверных, в воспоминаниях и т. п.: фольк. *Нисяв таясав', ягусав', сэва'н тяхад небяв си'м вадавысь, не Тасиний ваббавысь. Си'в тидяков, си'в Тасиний си'м вадавыць. Ябтудадод' небяв харта тэтась, ылька тыгу хадавэдась* (ЭПН 714) 'Был или нет у меня отец [, не знаю], с тех пор как я помню, меня растила моя мать, женщина Тасиний вырастила. Меня вырастили семь моих дядюшек, семь Тасиний. Мою мать, которая сама была оленеводом, убил великан тунгус, когда она ездила за гусями' (ЭПН 727); лит. *Пухунда яңгуво" махад мат" хаёвы нюнда самляңдо' хабцяңгана хадкэвыць. Тикы нюхутата ңарка хасавя нюрида хаёвысь* (Лапшуй 1979 : 18) 'После того, как умерла его жена, из шести оставшихся детей пятеро умерли от болезни. Из этих ее детей остался только старший сын'; *ңопойри Керенскойм' хунрабтаць, пыда Зимний дворец' маханяңы нёвна не' паны мэць тарпавыць, американской посольства' машинахана хунвыць* (Лапшуй 1979 : 34) 'Упустили только одного Керенского, он, как оказалось, вышел в женской одежде через правую дверь Зимнего дворца и удрал на машине американского посольства'.

2. Плюсquamперфект в энецком языке * (наречия маду и бай).

Прежде чем перейти к энецкому плюсquamперфекту, необходимо остановиться на перфекте этого языка. Показателем его, как известно, служит суффикс *-b'i/-pi*, например, маду *serob'ida* 'он завязал, оказывается', *sobu'ida* 'он вытащил, оказывается', *inrb'i* 'он стал богатым, оказывается', *kinob'idb'* 'он убежал, оказывается'; бай *diribi 'élt'* (Mikola 1980 : 226).

Впервые эти финитные формы упоминаются у М. А. Кастрена в связи со вторым временем *камасинского языка* (Castrén 1854 : 376). Г. Н. Прокофьев считал их формами предположительного наклонения: *vī jirevi* 'он, очевидно, жил' (Прокофьев 1937 : 89). Согласно Н. М. Терещенко, эти формы характеризуют действие, очевидцем которого сам говорящий не был, а также случайность, неожиданность действия: *мекыз канибид* 'ты поехал-оказывается в чумы' (Терещенко 1973 : 144). У Т. Микола формы на *-b'i/-pi* называются аористом нарратива (Mikola 1967 : 65—72).

Нетрудно заметить, что некоторые исследователи возводят в ранг главного значения финитных форм на *-b'i/-pi* значение неочевидности действия и, таким образом, относят их к косвенным наклонениям. При этом почему-то не принимается во внимание факт отсутствия особого грамматического показателя косвенного наклонения. У любой из приведенных форм *serob'ida*, *sobu'ida*, *diribi* суффиксом наклонения служит нулевая морфема, та же, что и у других времен изъявительного наклонения. В них не обнаруживается какой-либо формант, специализированный для выражения ирреального значения неочевидности или предположения. Следовательно, энецкие формы с *-b'i/-pi* необходимо

* Энецкий языковой материал собран нами в пос. Воронцово Таймырского автономного округа Красноярского края в 1973—1979 гг. от большого знатока родного языка ныне покойного энца-сомату Каплина Холи Николаевича. При жизни он был информантом для многих научных экспедиций и исследователей (в частности, см. Е. Х е л и м - с к и й, Тональные оппозиции в уральских языках. — НуК 79, с. 41—42). Часть материала записана от энца-сомату Пилько Пудедо Лилевича (55 лет, отец — энец-сомату, мать — нганасанка).

рассматривать как формы изъявительного наклонения. Если поступить именно так, то в качестве их главного значения нельзя будет считать некое ирреальное значение абсентива, нарратива и т. п.

На наш взгляд, права И. П. Сорокина, которая считает, что финитные формы с *-b'i/-pi* представляют прошедшее время изъявительного наклонения — перфект. Это время передает законченное прошлое действие, результат которого сохранился до настоящего времени. И. П. Сорокина подчеркивает, что для говорящего не так важно, был он очевидцем данного действия или нет, важнее констатировать конкретный результат этого действия, сохранившийся до настоящего момента (Сорокина 1980 : 213); например: маду *ñũlio ðerehonẽ sãreši, ÷inãdi sejhodo, tudĩ"ð b'i" kũnãdřu qkkub'i* 'только один день шел дождь, а теперь посмотри, в озере воды стало значительно больше'. Форма *qkkub'i* 'стало больше' выражает прошлый процесс, результат которого актуален в момент речи. Здесь не имеет значения неочевидность, так как говорящий не только не был, но объективно и не мог быть свидетелем того, как после дождя накапливалась вода в озере. Он может лишь констатировать результат ранее происходившего накопления воды.

Таким образом, как нам кажется, вряд ли остаются сомнения, что в энецком языке финитные формы на *-b'i/-pi* представляют перфект индикатива.

Вместе с тем нельзя не отметить, что энецкий перфект может выступать не только в чисто перфектной роли, но и в роли абсентива (обычное явление и в других уральских языках, подробнее см. Серебренников 1960 : 63, 119, 167; 1978 : 31): маду *÷ie' sïroj ðohodei kuhua' tidřob'idð', sua mona', same qb'ida* 'вчера куда-то пропала моя белая важенка, только теперь сказали, что волк съел, оказывается'; *řiohua mona, sua mi faggeðoðda sadob'i, ðikarej", onẽse abutař"* 'кто-то сказал, что она сшила себе новую парку, не знаю, верно ли'; *piřmohonẽ tejno' paðdua, neðoðda motẽ nehob'i* 'в письме написано, что он уже женился'; бай *teazahua u kařãš kañib'id — inãj neñ señid manař* '«Jetzt bist du schon — so scheint es — ein Mann geworden», sagte mein Bruder mich anblickend' (Mikola 1967 : 61).

Наличие в энецком языке перфекта наводит на мысль о возможном существовании плюсквамперфекта. Ведь встречается немало финитных форм, показатель которых тот же, что и у перфекта, только осложненный суффиксом прошедшего времени индикатива, а именно — в наречии бай *-b'i/-pi + ... + -s/-š*, в маду *-b'i/-pi + ... + -ři*; например: бай *bazab'is* 'er nãhrte' (Mikola 1967 : 61), маду *totõb'idodři* 'он вернулся когда-то', *kamadagub'idaři* 'он готовился когда-то', *nõb'idaři* 'он догонял когда-то', *lumib'iatři* 'мы испугались, говорят', *nihub'itři* 'они молились раньше'.

Установить истинное место этих форм в системе времен и наклонений энецкого языка пока не удалось. Некоторые исследователи считают, что они представляют прошедшее время нарратива (Mikola 1967 : 65, 67, 69) или неочевидное наклонение (Сорокина 1977 : 203; 1980 : 213). Автор раньше тоже считал, что в энецком языке есть прошедшее время наклонения неочевидного действия (Лабанаускас 1974а : 24).

Однако более углубленный анализ энецкого материала заставляет пересмотреть прежние мнения. Во-первых, в финитных формах на *b'i/-pi + ... + -s/-š/-ři* нельзя видеть какое-либо косвенное наклонение, так как в них нет форманта, выражающего ирреальное значение. На-

оборот, они содержат в качестве показателя наклонения ту же нулевую морфему, как и перфект, и, поскольку они выражают действие, предшествующее моменту речи, то должны рассматриваться в системе прошедших времен изъявительного наклонения.

Во-вторых, тот факт, что показатель этих финитных форм такой же, как и перфекта, только с добавлением *-ś/-šī*, позволяет думать, что здесь имеем дело с каким-то претеритом, возникшим на базе перфекта. Вполне вероятно, что в энецком, как и в других уральских языках, на каком-то этапе развития возникла необходимость формально выразить значение давнепрошедшего времени, значение, которое раньше выражал перфект. Сочетание перфектного форманта *-b'i/-p'i* с претеритальным *-ś/-šī* стало, видимо, удобным строительным материалом для реализации этой необходимости. Возникший на базе перфекта, новый претерит был приспособлен для выражения действия, совершившегося когда-то раньше, действия, свидетелем которого говорящий не был. Представляется правильным назвать этот претерит плюсквамперфектом и перейти к его описанию.

Плюсквамперфект в энецком языке образуется при помощи сложного суффикса-циркумфикса. К основе глагола в зависимости от ее звукового строения присоединяется *-b'i* или *-p'i*, а в конце формы, вслед за личными окончаниями, появляется бай *-ś/-š*, маду *-šī*. Например: маду *baturo-b'i-da-šī* 'он обещал когда-то' (от *baturo*- 'обещать'), *bueb'išī* 'он ел суп когда-то' (от *bue*~*bue-ro*- 'есть суп'), *nebeb'išī* 'он бегал когда-то' (от *nebe*~*nebe-ro*- 'бегать'), *tekupidašī* 'он расколол, как оказалось' (от *teku*~*teku-so*- 'расколоть').

В отрицательном спряжении оба компонента циркумфикса *-b'i* (*-p'i* не употребляется) и *-ś/-šī* присоединяются к основе отрицательного глагола *i-* в той же последовательности, как и в положительном спряжении. Глагол, действие которого отрицается, выступает в форме, совпадающей с его же формой 2 л. ед. ч. субъектного типа спряжения императива: маду *ib'idašl baturo*" 'он не обещал когда-то', *ib'išī buero*" 'он не ел суп когда-то', *ib'išī nebero*" 'он не бегал когда-то', *ib'idašī tekuso*" 'он не расколол, как оказалось'.

Образцы положительного и отрицательного спряжения в плюсквамперфекте:

1) маду *kodę-* 'замерзнуть' (субъектный тип спряжения): ед. ч. 1 л. *kodęb'idodš*, 2 л. *kodęb'iddoši*, 3 л. *kodęb'išī* 'он замерз когда-то' и т. д.; ед. ч. 1 л. *ib'idodši kode*", 2 л. *ib'iddoši kode*", 3 л. *ib'išī kode*" 'он не замерз когда-то' и т. д.;

2) маду *moru*"~*moruso-* 'сломать' (объектный тип спряжения): ед. ч. 1 л. *moruپیوši*, 2 л. *moruپیروši*, 3 л. *moruپیдаši* 'он сломал, как оказалось' и т. д.; ед. ч. 1 л. *ib'ioši moruso*", 2 л. *ib'iroši moruso*", 3 л. *ib'idašī moruso*" 'он не сломал, как оказалось' и т. д.;

3) маду *noro-* 'встать' (субъектно-безобъектный тип спряжения): ед. ч. 1 л. *nōrob'iodšī*, 2 л. *nōrob'iddoši*, 3 л. *nōrob'idodšī* 'он встал раньше' и т. д.; ед. ч. 1 л. *ib'iodšī nōro*", 2 л. *ib'iddoši nōro*", 3 л. *ib'idodšī nōro*" 'он не встал раньше' и т. д.

Основные случаи употребления. Плюсквамперфект передает совершившееся или совершавшееся действие (событие, процесс, явление), предшествующее другому прошлому действию: маду *kare ka"ārana*" *no*'

kañibafši ođdohodđ, kuorida” *moŭe ka’arab’idudši* ‘мы пошли, чтобы выгрузить рыбу из лодки, но оказалось, что рыбаки уже выгрузили’; *čio dere’ foggadoba*” *čiat komabafši, kajina*” *oričuna*” *čieb’idudši* ‘вчера мы собирались ставить сеть, но оказалось, что наши товарищи раньше нас поставили’; *čujimoda neħādo komaboši, čujimoda mekonęda durotab’idaši* ‘я хотел взять его ружье, а, оказалось, ружье он забыл дома’; *miggua sęsoru uidodđši, sorogādęšu sōŭebodę, miggoŕio diggub’iři* ‘я услышал шорох, оглянулся, но ничего не было’; *ođduj občikuone serob’ioři, ođdeħoni čio dere’ fogguđde niedodę kanę*” ‘я плохо привязал, как оказалось, свою лодку, поэтому вчера не поехал рыбачить’; бай *sobŕęgbozad poa kañiahaz, ināj modįazod. mološ ituza sļajguoš kañib’iř. mod našil tudāboš* ‘Als 15 Jahre vergangen waren, erblickte ich meinen Bruder. Sein Haar ist schon weiss geworden. Ich habe ihn kaum erkannt’ (Mikola 1967 : 61).

Имеются случаи, когда плюсквамперфект передает давнее действие, логически связанное с настоящим: маду *kuhuanę inęro eķķe dādo dādub’iřiņu*”, *todi totorío tādęđdo* ‘твой старший брат когда-то ведь приезжал в эту землю, приедешь и ты’; *tongni neħuro fua’ đabođdo tudi*” *o’ barohone jireb’idodđši, eħaduę tejnādęšu činadi kanęři abuñi teħo da ičudorħābo tuđdo*” ‘я когда-то жил три года на берегу озера, но теперь, если туда поехать, я, кажется, не узнал бы тех мест’; *ęj kuđdaha’ somatu faĝęe saduro teñeb’iři, činadi moŭe nie sādurōb’i*”, *činadi durako faĝęe fonęħa* ‘моя мать когда-то умела шить энецкую парку, но теперь уже не шьет, теперь она носит ненецкую парку’; *kuđdaha’ kaha ařtab’idaři đaha’ barohone, tod čikohod kaha tiđęob’idodđši, ođęhođda kaređa nie koma*” ‘он когда-то поставил шайтан на берегу реки, а потом шайтан исчез, и вот почему плохо ловится рыба’.

Плюсквамперфект в энецком языке употребляется и для выражения давних действий (событий), о которых известно со слов людей или из других источников: маду *kanęři sįrahane qķķa sęđoko kadab’iřiři, čuku eñęęo*” *tejno’ nāda*” ‘прошлой зимой они добыли много песцов, все люди так говорят’; *kuo’ nōđđ uđdi toaři, tia fonde*” *tōřahitu’ sōpřiři* ‘из тундры пришла весть, что оленеводы перекочевали из летних пастбищ’; *modi ešęej nio teñę*”, *nio abuñi diggub’iři* ‘своего отца я не помню, говорят, он умер, когда я был маленьким’; *šehotej dęreħine durako*” *somatuhine sādub’iřiři* ‘говорят, в старые времена ненцы воевали с энцами-сомату’; бай *kudhan neħu řiz eb’iř. tozfikohoz sızęš kañib’iř. baj, muggadi ģomo řizōš kañib’iř. bajd b’emo deb’iř křwitančijda đupis* ‘Früher gab es drei Geschlechter. Dann wurden es zwei. Die Baj und die Muggad’i wurden ein Geschlecht. Der Baj-Fürst verlor betrunken die Quittung’ (Mikola 1967 : 61).

Сокращения

м.-з. — малоземельский говор тундрового наречия ненецкого языка, тайм. — таймырский говор тундрового наречия ненецкого языка, ям. — ямальский говор тундрового наречия ненецкого языка. ННг — газета «Няръяна Нгэрм» («Красный Север»), г. Са-

лехард Тюменской области; НРС — Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965; НФ — Ненецкий фольклор, Ленинград 1960; ЭПН — Эпические песни ненцев, Москва 1965.

ЛИТЕРАТУРА

- Истомин И. Г. 1960, Маймбава, Тюмень.
 — 1962, Пудана ямбава, Тюмень.
- Кюннап А. 1976, К проблеме происхождения показателей наклонов и времен в уральских языках. — СФУ XII, 169—181.
- Лабанаускас К. 1974а, Времена косвенных наклонов в ненецком и энецком языках. — Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов (Института востоковедения АН СССР). Тезисы докладов, ч. I. Языкознание, литература, Москва, 23—24.
 — 1974б, Ненецкий перфект. — СФУ X, 45—52.
 — 1974в, Система времен ненецкого глагола. — Аспекты лингвистического анализа, Москва, 112—119.
 — 1976, Ненецкий претерит. — СФУ XII, 208—213.
- Лапцуй Л. В. 1979, Инзер' толангобъ', Ленинград.
- Прокофьев Г. Н. 1937, Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград, 75—90.
- Серебренников Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
 — 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
 — 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
 — 1978, О путях превращения одного микротипа в другой микротип (на материале марийского языка). — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 5—48.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. 1979, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, Баку.
- Сорокина И. П. 1975, Морфология глагола энецкого языка, Автореферат, Ленинград, 1—20.
 — 1977, Морфологическая структура глагола энецкого языка. — СФУ XIII, 202—207.
 — 1980, Энецкий перфект. — СФУ XVI, 212—215.
- Сусой Е. Г., Терещенко Н. М. 1974, Ненэця' вада, Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1952, О развитии грамматических категорий ненецкого языка (на примере категории причастия). — Вопросы теории и истории языка, Москва, 368—386.
 — 1960, О категории залога в самодийских языках. — Вопросы грамматики, Москва—Ленинград, 178—193.
 — 1965, Краткий грамматический очерк ненецкого языка. — Ненецко-русский словарь, Москва, 861—942.
 — 1972, Главные члены предложения в самодийских языках. — Члены предложения в языках различных типов, Ленинград, 109—125.
 — 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
- Castroń M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 — 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
- Haidú P. 1975, Prädikative Nominalflexion in den samojedischen Sprachen. — ALHung. 25, 1—30.
- Künnap A. 1977, Übersicht über die kamassischen Modus- und Tempuszeichen. — СФУ XIII, 124—134.
- Mikola T. 1967, Enzische Sprachmaterialien. — ALHung. 17, 59—74.
 — 1980, Envec és ngauaszan nvelvi adalékok. — NyK 82, 223—236.
- Lehtisalo T. 1956, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU 13).
- N.-Sebestyén, I. 1970, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII, 137—225.
- Serebrennikov, B. A. 1963, Formengeschichtliche Untersuchungen. — ALHung. 13.

KAZYS LABANAUSKAS (Dudinka)

ZUM PLUSQUAMPERFEKT IM NENZISCHEN UND ENZISCHEN

Im Artikel werden die Plusquamperfektformen der nenzischen und enzischen Sprache untersucht.

Das Plusquamperfekt im Nenzischen wird mit Hilfe des Zirkumfixes *-βi/-mi/ + ... + -š* gebildet: *šerlaβedonš* 'sie hatten gemacht', *tarpβida'tš* 'sie waren hinausgegangen' usw. In ihrer Hauptfunktion drücken diese Formen die Vorvergangenheit aus. Man findet auch viele Fälle, wo das Plusquamperfekt die Bedeutung des Absentivs (des narrativen Modus) trägt. Weil die Formen des Plusquamperfekts manchmal mit den präteritalen Formen des perfektiven Partizips zusammenfallen (z. B. *βatormiš* 'er hatte versprochen' und 'er war versprochen'), spielt der Kontext die entscheidende Rolle beim richtigen Verstehen dieser Formen.

Das enzische Plusquamperfekt wird mit dem Zirkumfix *-b'i/-p'i/ + ... + -š/-š'i/* gebildet: *Madu sgrab'idaši* 'er hatte geknüpft' *d'urotab'ina'tš'i* 'wir hatten vergessen (wie es sich herausstellte)' usw. Die Bedeutungen des Plusquamperfekts sind dieselben wie im Nenzischen. Manche Forscher halten diese Zeitform für den narrativen Modus. Im Artikel wird angedeutet, daß die enzischen Formen kein Kennzeichen enthalten, dessen Funktion die Bedeutung des Narrativs (oder Absentivs) ausdrücken würde.

Der Verfasser ist der Meinung, daß das Plusquamperfekt des Nenzischen und Enzischen auf der Grundlage des Perfekts entstanden sein muß.